

ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

*Выступление перед студентами
Санкт-Петербургской духовной академии
и Санкт-Петербургского университета*

Сегодня мне хотелось бы поразмышлять о том, что такое пастырское служение в православной традиции, сделать акцент на различных практических аспектах жизни пастыря, его подготовки к священству. Мне хотелось бы поделиться с вами не только тем, что я вычитал из книг, но и тем, что я вынес из собственного опыта служения священником в Православной Церкви.

Священнослужителем может стать далеко не каждый человек, но лишь тот, кто почувствовал призвание к священству. Это особый внутренний зов, особое ощущение Божьего призвания. Такое внутреннее состояние овладевает людьми в разные периоды их жизни – к одним приходит очень рано, еще в детстве, к другим в зрелом возрасте. Однако момент призвания для каждого является ключевым, это тот поворотный пункт, с которого начинается путь к священству.

Пастырское призвание, как мне кажется, выражается прежде всего в любви ко всему, что связано с Церковью – к алтарю, к храму, к богослужению. Потому что священник – не просто проповедник, не просто человек, которому люди исповедуются, не просто общественная фигура, но прежде всего лицо, которое предстоит Богу в молитве – в молитве не только за себя, но и за людей; человек, который приносит Богу молитву “о своих гресех и о людских невежествах”. Поэтому, если у человека нет этой любви к алтарю, к молитве, нет того чувства, которое прекрасно описано в псалмах, когда говорится о том, что душа горит желанием быть в доме Божиим, то ему не следует становиться священником. Ибо богослужение, служение алтарю – это и есть то, с чего начинается и чем заканчивается священство.

Конечно, священство невозможно принять просто так – человек должен готовиться к принятию священного сана. И эта подготовка для каждого человека заключается прежде всего в “возгревании” в себе способности к молитве, в возгревании различных духовных даров и любви к алтарю. Если этого нет, то ничто не заменит того внутреннего стержня, вокруг которого строится жизнь священника. Обучение в том или ином духовном учебном заведении, естественно, составляет неотъемлемую или, по крайней мере, очень желательную часть подготовки к священству. Но оно не исчерпывает всего, что необходимо человеку, чтобы стать священником. Духовная школа – и это многие из вас знают по собственному опыту – может способствовать подготовке к священству, но может и препятствовать. Решающим же для каждого человека становится его собственный внутренний настрой, стремление во что бы то ни стало – может быть, и вопреки обстоятельствам, которые складываются вокруг него, – подготовиться к принятию великого дара священства.

И здесь, мне кажется, важнейшим моментом является то, что Святые Отцы называли воспитанием своего внутреннего человека. В течение жизни священник может оказываться в самых разных ситуациях. Может сложиться так, что все будет ему благоприятствовать: и архиерей будет добрый, и храм попадется хороший, и прихожане будут его любить, словом, все будет складываться в его пользу. Но может быть и наоборот, когда все, кажется, направлено против него, и тогда ему придется плыть как бы против течения. Чтобы преодолевать внешние трудности и препятствия, у священника должен быть очень прочный внутренний стержень. Поэтому, готовясь принять священство, человек должен вдумчиво изучить все то, что затем станет основой его жизни. Это прежде всего православное церковное Предание, которое выражено и в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов, и в творениях Отцов Церкви, и в деяниях Вселенских Соборов, и в писаниях богословов –

людей, которые говорили о Боге, исходя из собственного опыта, и в древности, и в настоящее время. И как бы ни складывались внешние условия подготовки к священству, будущему пастырю, мне кажется, совершенно необходимо создать внутри себя те условия, которые позже помогут ему стать священником, – воспитывать свою душу, свое сердце и духовно питаться от тех сокровищ, которыми так богато православное Предание.

Нередко молодые священники жалуются, что в духовной школе они не получают многого из того, что необходимо для внутреннего устроения, что способствовало бы их подготовке к священству. Очень важно, чтобы каждый человек, готовящийся стать священнослужителем, разработал для себя конкретный план, по которому сам бы и развивался. Этот план может совпадать или не совпадать с учебными программами, но если его не будет, человек окажется в полной зависимости от внешних обстоятельств. Мне кажется, что священник вообще от внешних обстоятельств зависеть не должен, потому что вся его жизнь должна вращаться вокруг того внутреннего стержня, которым является его сокровенное общение с Богом. И возгревание в себе молитвенного дара, любви к богослужению и любви к алтарю – это первая задача священника и любого человека, готовящегося к священству.

Конечно, очень важно, чтобы будущий священник получил соответствующее образование. Некоторые считают, что образованность, знания как бы и не обязательны и даже излишни для священника, – главное, чтобы у него была соответствующая ревность, чтобы он был человеком православным, а уж насколько он образован – это вопрос второй. Если такой подход и был справедлив в далекие эпохи, когда пастырями душ человеческих становились пастыри овец, которые не умели ни читать, ни писать, то в современную эпоху это невозможно. Думаю, что каждый священник Православной Церкви должен быть человеком образованным, так как в своей пастырской практике он нередко будет сталкиваться с людьми, во многих отношениях, в том числе и интеллектуально, его превосходящих. Конечно, нельзя требовать от священника, чтобы он был специалистом во всех областях, чтобы он мог затмить любого ученого. Но священнику необходимо хорошо разбираться во многих областях человеческой жизни, чтобы на равных общаться с людьми, превосходящими его и ученостью, и интеллектом. А это недостижимо без образования. Поэтому будущие священники должны работать над собой не только в плане изучения богословских дисциплин, но и в плане постижения многого другого, чем так богат современный мир.

Поворотным пунктом в судьбе каждого священника является хиротония, или рукоположение. Это тот момент, когда, как говорил архимандрит Киприан (Керн), “начинается не жизнь, а житие; не деятельность, а служение; не разговоры, а проповедь; не немощь долголетнего расслабленного, а дерзание друга Христова”. Вся предшествующая жизнь должна вести человека к этому моменту, когда он сможет реализовать свои способности и накопленные знания, реализовать себя как священнослужитель, когда жизнь его начнет превращаться в житие.

А в чем, собственно, заключается “житие” православного священнослужителя? Здесь я выделил бы три основных момента: взаимоотношения священника с Богом, с самим собой и с окружающими.

Прежде всего, священник должен особым образом выстраивать свои отношения с Богом – это важнейшая и первоочередная задача, потому что он обязан предстоять Богу и молиться не только за себя, но и за других. Здесь огромную роль играет способность священника молиться и участвовать в богослужении с открытым сердцем, не формально. Каждый из нас испытывает те или иные трудности в молитве, каждому из нас подчас бывает непросто преодолеть расстояние, отделяющее нас от Бога. Для священника же это задача особой важности. Если священник, совершая Литургию, будет чувствовать, что между ним и Богом продолжает сохраняться стена недоверия, недопонимания или даже просто незнакомства, то ему будет очень трудно быть полноценным ходатаем за себя и за свою паству. Задача человека, который готовится к священству, заключается в том, чтобы это личное общение с Богом у него было постоянным, чтобы оно никогда не прерывалось. В конечном итоге, “житие” священнослужителя – это то, что в Ветхом Завете называлось “хождением перед Богом”, то есть способность жить так, чтобы каждое дело, каждый помысел, каждое внутреннее

движение происходило перед лицом Божиим, чтобы человек словно бы постоянно испытывал себя на Страшном суде милосердия и любви Божией. И здесь молитва и богослужение играют решающую

роль.

Православное богослужение обладает совершенно уникальными сокровищами, которые, если человек полностью входит в обладание ими, могут стать для него хлебом насущным, духовной школой, в значительной мере способной заменить даже богословское образование. Скажу нечто из своего собственного опыта. Мне не пришлось полноценно учиться в духовных школах; я оканчивал духовные школы заочно и никогда не был студентом в прямом смысле этого слова. Но мне довелось два года прожить в монастыре, где я ежедневно участвовал в богослужениях утром и вечером. А затем в течение нескольких лет я служил на приходе, где имел возможность совершать полный круг богослужения, без сокращений. Таким образом, в течение нескольких первых лет священства я духовно питался богослужебными текстами Октоиха, Триоди постной, Триоди цветной, Минеей праздничной и Минеей месячных, на которых строится православное богослужение. И должен вам сказать, что если в эти богослужебные тексты по-настоящему вникать, их изучать, вслушиваться в них, то человек получит богословскую закваску, не сравнимую ни с какой богословской школой. В этих богослужебных текстах содержится вся глубина догматического Предания Православной Церкви и вся глубина и высота ее нравственного учения. Поэтому первоочередная задача всякого священника – постигать православное богослужение не только с внешней, но и с внутренней стороны, постигать не только его структуру, но и глубинный смысл. Нередко изучающие литургику обращают внимание на то, как одно богослужение сочетается с другим, в какие дни исполняются те или иные стихиры и тропари, совершенно при этом не задумываясь, в чем смысл этих богослужений. Мне кажется, что изучать нужно не столько литургику, сколько литургическое богословие, и делать это лучше всего по богослужебным книгам, прочитывая соответствующие тексты с точки зрения их догматического содержания. Если человек будет строить свою жизнь, свое богословское мышление и видение на богослужебных книгах, то, я думаю, это будет истинно православный пастырь.

Православное богослужение погружает человека в такие глубины, о существовании которых он может и не догадываться, пока не начинает принимать в нем сознательное участие. Мне неоднократно приходилось присутствовать на богослужениях в других христианских конфессиях – у лютеран, католиков и т. д. И меня всегда поражало, когда я присутствовал, например, на протестантском богослужении, что оно составлено из различных, не связанных между собою, частей, причем после каждой из них следует перерыв и соответствующее объяснение. Люди, допустим, встают, читают молитву, потом садятся, священник им говорит: “Откройте книжку на странице такой-то”. Они открывают книжки, поют вместе гимн, после чего закрывают книжки, священник им говорит еще что-то. То есть, все богослужение – это серия небольших молитвенных акций.

Совершенно иное богослужение в Православной Церкви. Здесь с первого возгласа Литургии: “Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа”, – мы погружаемся в стихию богообщения, которое в течение Литургии не прерывается ни на минуту. И все молитвы и песнопения Литургии – это не просто отдельные куски, фрагменты, но части единого целого. В этом смысле, конечно, сознательное, полноценное участие в богослужении является первейшей обязанностью священника. И не только Божественная Литургия, но и другие богослужения, такие как вечерня, утренняя, часы, очень важны, и ни к одному из них нельзя относиться формально. Нельзя думать, что вечерня и утренняя – это какие-то вспомогательные службы, которые можно и пропускать, потому что самое главное – Литургия. Конечно, Литургия как воспоминание Тайной Вечери, составляет основу жизни христианина и основу жизни священника. Но и богослужения суточного круга очень важны, потому что они учат человека молиться и помогают ему сойти в те глубины, в которых он встречается с Богом.

Божественная Литургия – сердцевина христианской жизни. Для священника это не только момент встречи с Богом в молитве, но и тот момент, когда он непосредственно – и на духовном, и на душевном, и на физическом уровне – приобщается к Богу. При совершении иерейской хиротонии, после того как священник уже облачен в священнические одежды, ему вручается от епископа частица Тела Христова со словами: “Приими залог сей, о нем же истязан будеши на страшном суде Христовом”. И Причастие Святых Христовых Таин для священника с этого момента становится тем

событием, с которым он должен постоянно сверять свою жизнь; он должен быть достойным Причастия. Человек, который принял в себя Тело и Кровь Христа и который сам совершает евхаристическое богослужение, то есть занимает место Христа на Тайной Вечери, конечно, должен быть достоин даров, получаемых им от Бога. Он должен быть достоин той ответственности, которая на него Богом возложена.

Поэтому совершенно недопустимо для священника то, что называется “требоисполнительством”, – когда он воспринимает богослужение или требы лишь как профессиональную обязанность или как средство заработка. Конечно, церковная жизнь устроена таким образом, что священник питается от алтаря, и само по себе такое положение было бы вполне нормальным, если бы не было тех многочисленных злоупотреблений, которые в этой области происходят. В идеале, конечно, количество и качество совершенных священником богослужений не должно отражаться на получаемой им за это награде. И в этом смысле было бы правильнее, если бы священник получал зарплату от прихода или, как в некоторых странах, от государства, и этим бы исчерпывались его финансовые взаимоотношения с приходом; все остальное он совершал бы безвозмездно. Сейчас ситуация другая: священник получает деньги за требы. Но очень важно, чтобы это не превращалось в торговлю, чтобы люди не чувствовали, что то или иное таинство будет или не будет для них совершено в зависимости от того, сколько они заплатят.

Сегодня знакомство многих людей с церковью начинается с ценника, который они встречают на дверях храма или на свечном ящике. На нем написано, что сколько стоит: крещение – столько-то, венчание – столько-то, отпевание – столько-то, поминовение на проскомидии – столько-то, поминовение просто молитвенное, без проскомидии – столько-то. Я думаю, что это совершенно ненормальная ситуация, от которой нашей Церкви надо постепенно отказываться. В некоторых приходах от этой порочной практики – взимания определенной установленной таксы за требы – священники уже отказываются. Конечно, за совершение тех или иных треб может быть *рекомендована* та или иная сумма, но каждый человек должен понимать, что покрестят его или нет, отпоют его родственника или нет, зависит не от наличия у него той или иной суммы, а от того, желает он этого или нет. Поэтому священник должен быть бескорыстным, он должен быть бессребреником: он не должен превращать священнослужение в бизнес. Всякий раз, совершая потребу, он должен иметь мужество сказать, что все пожертвования, вносимые прихожанами, являются добровольными.

Теперь скажу о том, как священник должен строить свою жизнь по отношению к самому себе. Священнику необходимо постоянно работать над собой. Ежедневно, ежечасно он может либо приобретать что-то для себя в духовном плане, либо терять. Человек никогда не бывает нейтральным по отношению к Богу – он движется либо по пути к Нему, либо в обратном направлении. В духовной жизни вообще, а тем более в жизни священника, не может быть никаких выжидательных периодов, поэтому священник должен строить свою жизнь таким образом, чтобы, всегда и из всего извлекая уроки, обучать своего внутреннего человека. Источником такого непрерывного самообучения являются богослужение, чтение Евангелия, чтение творений Отцов Церкви. Хочу подчеркнуть особую важность постоянного изучения трудов Святых Отцов. Их творения важны для нас не потому только, что они были святыми и признаны Церковью как великие учителя, а прежде всего потому, что они сами прошли тем путем, по которому мы пытаемся идти. Они писали, основываясь не на прочитанных книгах, а на личном внутреннем опыте. И в святоотеческом богословии мы очень часто находим ответы на те вопросы, на которые не можем найти ответы во многих современных книгах. Святоотеческая литература намного современнее, актуальнее, чем это может показаться тем, кто с ней мало знаком.

Следующий важнейший момент в служении священника – то, как он строит свою семейную жизнь. Великое преимущество Православной Церкви перед католической заключается в том, что

большинство ее священников – люди семейные. Человек, имеющий жену и детей, способен глубже понимать проблемы других семейных людей, своих прихожан, а значит, он ближе к простым людям, потому что в собственной житейской ситуации испытывает то же, что испытывают другие. Семья для священника – это малая Церковь в самом прямом смысле. И от того, как священник построит

свою семейную жизнь, зависит очень многое.

Мне приходится общаться со многими священниками – и с теми, у кого благополучная, и с теми, у кого неблагополучная семейная ситуация. Не так давно я встретился со священником, у которого шестнадцать детей, восемь мальчиков и восемь девочек. Из восьми его сыновей шестеро уже священники, а двое готовятся принять священный сан, из восьми дочерей шесть замужем за священниками, а две, очевидно, готовятся вступить в брак. Это, конечно, ситуация уникальная: что-то совершенно особое должно быть в человеке, который сумел вдохновить всех своих детей на следование по своему пути. Понятно, что подобное не всякому доступно. Но построить свою семейную жизнь так, чтобы воспитание детей было основано не на насильственном внедрении, а на свободном принятии тех истин христианства, которые станут основанием их последующей жизни; чтобы вся семья была естественным образом вовлечена в литургическую жизнь священника, участвуя в храмовом богослужении и проникаясь молитвенным духом; чтобы в сердце каждого члена семьи постоянно возрастала любовь к храму Божию и к служению Церкви, – это важнейшая, ключевая обязанность священника.

Очень редко бывает так, что у священника неблагополучно в семье, но все хорошо на приходе, или наоборот – все хорошо в семье, но плохо на приходе. Как правило, если человек способен построить свою семейную жизнь в соответствии с христианскими идеалами, он способен и приходом руководить, как своей большой семьей.

Для священников же монашествующих, которые служат на приходе, Богом уготован совершенно иной путь. Они не имеют утешения в кругу семьи, у них много тех искушений, которые не знакомы священнику семейному: это, прежде всего, искушение одиночеством. Иеромонах общается со многими людьми, в том числе и с женщинами, и это, конечно, тоже является причиной различных искушений. Впрочем, женщины опасны и для женатых священников, поэтому последним нужно быть очень целомудренными в своих взаимоотношениях с прихожанками. Священник, – семейный или несемейный, – должен быть аскетом, он должен понимать, что ему необходима очень большая строгость по отношению к себе самому. Каким бы мягким он ни был по отношению к окружающим, по отношению к себе он должен быть тверд и беспощаден.

Хотелось бы упомянуть и о внешнем виде священника. Некоторые считают, что священник может выглядеть неопрятным, растрепанным, иметь длинные нечесанные волосы, не мыться и т. д., и что этот облик будет соответствовать каким-то древним аскетическим идеалам. На самом деле, чтобы увидеть каким должен быть священнослужитель, достаточно посмотреть на древние иконы святителей – Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и других. На них мы видим людей опрятных – с коротко подстриженными волосами и бородой, людей отнюдь не с тем устрашающим обликом, которым отличаются некоторые современные пастыри. Мне кажется, что для священника, особенно служащего в многолюдном городе и являющегося общественной фигурой, его внешний вид отнюдь не является третьестепенным фактором. Ведь многие судят о священниках по наружности, и иногда человеку достаточно увидеть священнослужителя, который выглядит отталкивающе, чтобы начать негативно воспринимать всю церковную действительность в целом.

Священник должен быть строгим по отношению к себе и в плане воздержания от развлечений светского характера, доступных мирянам. Это не значит, что священник не может пойти в театр или посмотреть какой-нибудь фильм по телевизору, но это значит, что некоторые вещи он должен себе запрещать. Например, трудно представить себе священника на дискотеке или в ночном клубе. Подобное плохо не только само по себе, но еще и потому, что оно разрушает в священнике внутренний мир, подтачивает в нем ту основу, на которой должна строиться вся его духовная жизнь.

Итак, если суммировать сказанное о том, как священник должен относиться к самому себе, то, во-первых, он должен быть к себе очень строг, максимально взыскателен, а во-вторых, он должен жить так, чтобы всеми силами и всеми доступными ему средствами воспитывать в себе того внутреннего человека, о котором преподобный Серафим Саровский так замечательно сказал: “Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся”. Если священник сумеет стяжать внутри себя этот дух мира, любви к

Богу и к ближним, если он воспитает своего внутреннего человека, то он станет источником спасения для очень многих. Если же не сумеет воспитать себя должным образом, то произойдет то, о чем Христос говорил: “Врач! исцели самого себя” (Лк. 4:23), или: “Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму” (Мф. 15:14).

Наконец, еще один ключевой момент – взаимоотношения священника с другими людьми. Эта та область, в которой священник проявляет все свои человеческие и духовные качества, в которой сказывается все то, что он в себе накопил или не накопил, сумел приобрести или упустил в своем внутреннем опыте, духовном развитии. Прежде всего, священник – это человек, который через рукоположение стал членом церковной общины и членом пресвитериума, то есть братства священнослужителей. Поэтому очень важно, чтобы он умел строить свои взаимоотношения с другими священнослужителями. Он должен всеми силами стараться по отношению к своим собратьям являть достойный пример братолюбия, уважения и человеческого достоинства.

Очень важный момент – как священнослужитель строит свои отношения с сильными мира сего. Мы хорошо помним времена, когда священники практически не имели доступа к высокому светскому начальству, когда Церковь была отделена от мира сего глухой стеной. Сейчас ситуация изменилась. Членами Церкви становятся не только простые, малообеспеченные люди, но и очень богатые. И приходится иногда наблюдать, что священнослужитель всю свою пастырскую активность направляет прежде всего на то, чтобы снискать любовь и благоволение высокообеспеченных людей в надежде, что благодаря любви и благоволению с их стороны в его кошелек потекут финансовые потоки. Это страшное искушение, от которого священник должен всеми силами воздерживаться. Священник вообще, мне кажется, должен жить очень скромно. То, что происходит во время богослужений, – пышные облачения и великолепный богослужебный обряд, – это одна сторона медали, и все великолепие здесь подчеркивает высоту священного сана, отражающуюся и в облачениях, и во многих литургических предметах, которые окружают священника. Но в быту священник должен быть очень скромным, священство несовместимо со стяжательством. Если священнослужитель думает прежде всего о личном накоплении, ему очень трудно будет стать подлинным благотворителем. А ведь иногда священнику приходится делиться с людьми не только суммой из церковной кассы, но и деньгами из собственного кармана. Если священник не способен вынуть из кармана деньги и отдать нуждающемуся без сожаления, помня о том, что в лице страждущего к нему обратился Сам Христос, вряд ли такой священник будет хорошим пастырем.

Есть еще один аспект во взаимоотношениях священника с людьми – общение с инославными, иноверцами, атеистами. Думаю, что священник должен быть равно открыт каждому человеку. Апостол Павел говорил: “Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых” (1 Кор. 9:22). И священник должен обладать этой способностью быть “всем для всех”. Если он будет с равной открытостью и равным доверием относиться как к православным, так и к инославным, иноверцам и атеистам, то по отношению к каждому из них он сможет действовать как священнослужитель, потому что в конечном итоге все они – его потенциальная паства. Священник должен делиться с людьми, находящимися вне Православной Церкви, теми сокровищами, которыми сам обладает.

Совершенно особая область – взаимоотношения священника со своими прихожанами и духовными чадами. Это огромная тема, ее невозможно даже кратко осветить в одной лекции, но я хотел бы сказать о некоторых основных моментах.

Мне кажется, что священнику, особенно молодому, не следует спешить окружать себя духовными чадами и последователями. Начинаящий священник вправе отказать человеку, который обращается к нему с просьбой принять его под духовное руководство. Надо сказать, что, например, в Греческой Церкви далеко не всякий священник обладает правом совершать исповедь, принимать духовных чад и осуществлять духовное руководство. Через рукоположение священник получает право совершать богослужения, но для того, чтобы стать духовником, нужна специальная грамота, которую дает ему епископ на каком-то определенном этапе его пастырского служения. В Русской Православной Церкви такой практики нет, и у нас каждый священник, получая священный сан, автоматически

становится потенциальным духовником многих людей. Но мне представляется, что молодой священник не должен с этим спешить – он должен сознавать, что его сил на духовное руководство может и не хватить. Ведь принять человека под духовное руководство – значит принять его на всю жизнь, то есть, по сути дела, взяться за то, чтобы довести его до Царствия Небесного. А это труднейшая задача. И когда некоторые наши священники окружают себя десятками, а то и сотнями духовных чад, часто оказывается, что они не способны быть реальными духовными руководителями, потому что у них просто физически не остается времени на то, чтобы уделять своим духовным чадам внимание.

В нашей церковной жизни, к сожалению, имеет место такое уродливое явление, когда вокруг священника образуется нечто вроде секты, когда он сам или его окружение создают культ личности пастыря. Если люди начинают воспринимать священника как самый высокий авторитет в вопросах духовной жизни, составляет большую духовную опасность для него. С подобными явлениями священник должен всеми силами бороться.

В Православной Церкви существуют духовники особого рода, которых называют старцами, – люди, имеющие благодатные духовные дарования – дар прозорливости, исключительной мудрости, особый молитвенный дар и т. п. Старчество – а оно не случайно называется именно так – сопряжено, кроме того, со зрелым или пожилым возрастом. К другому типу духовников относятся священники, которые достигли достаточной духовной зрелости, чтобы брать на себя руководство теми или иными людьми. Это не старцы, у них может не быть особых духовных дарований, но коль скоро у них есть свой опыт, – человеческий и духовный, – они могут им делиться, становясь духовниками верующих. Третий тип духовников – это те люди, которые в таинстве рукоположения получили право священнослужения, а, значит, по русской церковной практике, и совершения таинства исповеди, но эти священники совершенно не обязаны при этом быть и духовниками. Так, начинающий священник может выслушать исповедь человека, при необходимости предложить ему духовный совет, но этим и ограничиться.

Печально, а иногда и трагично, когда человек, не принадлежащий к числу старцев, берет на себя их функции, когда священник, не обладающий необходимыми духовными дарованиями, начинает действовать так, как если бы он был великим старцем. На этой почве возникают уродливые ситуации. В 1998 году Священный Синод Русской Православной Церкви издал специальное определение, которое в народе называют “Определением по младостарчеству”, где подробно говорится о негативных явлениях, существующих сегодня в духовнической практике. В этом определении подчеркивается, что какой бы высокой духовной жизни ни был тот или иной духовник, он не должен нарушать свободу своих духовных чад. Мне кажется, что это – ключевой момент для того, чтобы распознать, является ли тот или иной человек истинным старцем, подлинно христианским духовником, или нет. Если человек старается навязать свою волю духовным чадам или тем, кто к нему приходит, если он настаивает на беспрекословном исполнении всего, что он говорит, если его духовное руководство превращается в деспотизм и насилие по отношению к духовным чадам, то такой человек не может называться ни подлинным старцем, ни подлинным духовником.

Ведь христианство – это религия свободы. Вспомним, как действовал Христос. Он никогда не нарушал ничьей свободы. Даже зная о том, что Иуда предаст Его после Тайной Вечери, Он не изгнал его, не отлучил от принятия Своих Тела и Крови, потому что не хотел нарушить свободу этого человека. И духовник должен уподобляться Христу. Прежде всего, он должен относиться к своим духовным чадам с уважением. Ни в коем случае духовник не должен навязывать своим пасомым те или иные взгляды, особенно если это не касается вопросов духовной жизни.

Очень важно, чтобы священник разграничивал вопросы, относящиеся к области духовного руководства, и вопросы, относящиеся к области личной жизни каждого из его духовных чад. К области духовного руководства относится то, что связано с молитвой, участием в богослужении, а также те житейские проблемы, с которыми человек обращается к священнику. Но если священник начинает вмешиваться в личную жизнь человека, например, допрашивать его о тех или иных подробностях семейной жизни, или если священник начинает навязывать мужчине в качестве спутника жизни какую-либо женщину или настойчиво требовать, чтобы женщина вышла замуж

спутника жизни какую либо женщину, или пастырь лишь гресовать, чтобы женщина вышла замуж за конкретного, указанного самим пастырем мужчину, – то ясно, что священник сильно превышает те полномочия, которыми он обладает, и далеко выходит за рамки того служения, которое на него возложено Самим Богом. И конечно, очень важно, чтобы по отношению к своим духовным чадам священник имел достаточно уважения и любви, дабы никогда не вторгнуться туда, куда доступ ему должен быть закрыт.

Особый момент в духовнической практике каждого священника – исповедь. Здесь достаточный простор для творчества, и священники подходят к исповеди по-разному. Одни исповедуют долго, другие коротко, некоторые исповедуют молча, другие дают советы. Здесь не может быть шаблона. Единственное, о чем должен помнить священник, – это то, что исповедь – не момент встречи духовного чада со своим духовным отцом, но момент встречи человека с Богом, а священник, как он сам говорит людям перед исповедью, является лишь свидетелем. Если священник хочет преподать человеку какие-то уроки, уточнить те или иные детали его жизни, то лучше делать это вне исповеди. У священника, мне кажется, должно быть время встречаться со своими прихожанами не только на богослужении и на исповеди, но и вне богослужения. И здесь уже может идти разговор и на житейские, и на какие-то другие темы, не имеющие прямого отношения к исповеди.

В заключение хотел бы сказать о том, что священнослужитель – человек особого рода, он призван к особому служению, это человек, которому люди доверяют предстояние перед Богом за самих себя. Поэтому у священника должна быть теснейшая личная связь с Богом и с прихожанами. Человек, принявший священный сан, является тем, через кого люди слышат голос Христа. На литургии именно священник произносит слова Христа: “Приимите, ядите, сие есть Тело Мое... Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета...” Именно священник произносит проповедь, которая является по сути дела словом Божиим, обращенным к людям через него. Поэтому священнослужитель должен жить так, чтобы быть тем инструментом, оргбном, на котором играет Бог. Священник должен быть настолько прозрачным для Бога, чтобы Господь мог беспрепятственно действовать через него.

Мы привыкли думать, что действенность церковных таинств не зависит от того, достойный священник совершает таинства или нет. Студенты духовной семинарии, изучая этот вопрос, узнают, что личная жизнь священника никак не отражается на, так сказать, качестве совершаемых им таинств и богослужений. Но нельзя забывать о том, что в молитве, которую читает священник на Литургии святителя Василия Великого, есть и такие слова: “Да не моих ради грехов возбраниши благодати Пресвятаго Твоего Духа от подлежащих даров”. Это говорит священник, обращаясь к Богу, и это значит, что есть некая таинственная связь между личной жизнью священника и тем, что происходит в таинствах, той благодатью Святого Духа, которая через священника подается людям.

Итак, священник должен быть во всем достоин своего призвания, он должен быть таким, чтобы не стыдно было ему предстать на Страшном суде. А все свои личные недостатки он должен искупать ревностью о Боге, молитвенным подвигом и подвигом служения Богу и людям.

Вопросы и ответы

– Существуют ли какие-то правила, которые не разрешают тому или иному человеку принимать священный сан?

– Да, существуют. Есть так называемые канонические препятствия. Например, священник не может быть женат вторым браком. Однако, если епископ применяет принцип икономии, то есть снисхождения, некоторые из этих канонических препятствий могут быть проигнорированы. Хотел бы подчеркнуть, что если человек, имеющий известное епископу каноническое препятствие, рукоположен епископом в священный сан, то это рукоположение является абсолютно действительным, и ответственность за каноничность рукоположения лежит уже не на священнике, а на епископе. Смысл тех канонических правил, которые препятствуют некоторым людям принимать священный сан, заключается в том, что священник должен быть образцом нравственной высоты и чистоты. Если люди знают, что священник совершил какие-то безнравственные поступки, пусть и до принятия священства, им будет очень трудно верить этому человеку и воспринимать его как

принятия священства, им будет очень трудно верить этому человеку и воспринимать его как нравственный идеал. Кроме того, священник – человек, который должен был всей своей жизнью готовиться к принятию священства, и если он совершил что-то категорически несовместимое со священством, то, я думаю, он сам не должен стремиться к рукоположению. В конце концов, не каждый человек должен быть священником, можно достичь святости и будучи мирянином. В практике Русской Православной Церкви существует еще одна традиция, которая заключается в следующем: человеку, который принимает монашество, как бы автоматически прощаются все его прежние грехи, включая и канонические препятствия. Но это практика только нашей Церкви; на Афоне, например, ничего подобного нет. На Афоне вообще священником может стать только девственник. Именно из-за этого преподобный Силуан Афонский не мог стать священником, что, конечно, не помешало ему достичь величайших вершин святости.

– Можно ли рукополагать юношей в возрасте восемнадцати-двадцати лет?

– Я считаю, что не следует рукополагать в священный сан двадцатилетних или восемнадцатилетних юношей. (Говоря это, я помню о том, что сам был рукоположен в возрасте 20 лет.) Человек должен иметь достаточно времени, чтобы подготовиться и духовно, и интеллектуально, получить соответствующее образование. Решение о принятии священства, а тем более о принятии монашества, должно быть очень зрелым. Конечно, если человеку двадцать лет, а он уже успел закончить духовную школу и жениться, то, наверное, никаких препятствий для рукоположения у него нет, и искусственно затягивать этот процесс не следует. Но на практике нередко бывает так: епархии нужны священники; есть сколько-то молодых людей, совершенно еще незрелых, не определившихся, и архиерей предлагает им принять постриг и стать священниками. И вот, ничего толком не осознав, никак духовно и внутренне не подготовившись, они принимают постриг и становятся священниками. А потом, лет через пять-десять, вступают в зрелый возраст, и некоторые из них осознают, что в общем-то и монашество, и священство – не их путь, что у них, вероятно, не было к этому призвания. Мне кажется, что принятие священного сана или монашества в очень раннем возрасте чревато трагичным исходом. Поэтому я хорошо понимаю епископа, который говорит молодому ставленнику: “Если ты не определился, быть ли тебе человеком семейным или принять монашество, то лучше повремени, не спеши”. Действительно, спешка в таком деле неуместна. Вообще-то мне кажется, что идеальный возраст для принятия священства – 25–30 лет.

– Может ли быть священником человек с ярко выраженными физическими недостатками или дефектами речи?

– Встречал и тех, и других. Думаю, что те физические недостатки, которые не позволят человеку осуществлять функции священника, конечно, являются препятствием для священнослужения. То есть, если человек не сможет служить Литургию, крестить или венчать, то это практически неустранимое препятствие. Но есть ведь физические недостатки, не препятствующие священнослужению. Дефекты речи тоже бывают разные. Я знаю священников, которые заикаются, но при этом они совершенно нормально, а иногда и очень успешно осуществляют свои священнические функции. Если человек не может по тем или иным причинам членораздельно говорить, то, наверное, он вряд ли сможет стать священником. Хотя я не исключаю такой ситуации, когда, допустим, в общине глухонемых Литургию совершал бы глухонемой священник, теоретически это возможно.

– Как вы смотрите на целибат в нашей Церкви?

– Я думаю, что в принципе священник может быть не женатым и не монахом. Но человек, который принимает священный сан, будучи целибатом, не должен быть совсем молодым, незрелым, потому что всегда будет существовать риск, что на каком-то этапе своей жизни он передумает, а тогда жениться будет уже нельзя. В Православной Церкви священник не может жениться после хиротонии, в протестантских же общинах это возможно. Я думаю, что такой запрет в Православной Церкви существует прежде всего потому, что, если священник будет воспринимать своих прихожанок как возможных кандидаток на роль матушки, то можно себе представить, во что превратится его приход. Так что очень мудро было задумано Отцами Церкви, что вступление в брак возможно только до хиротонии.

возможно только до хиротонии.

– Я слышал, что в современной Католической Церкви возможен пересмотр прежних положений о celibate, и не исключено, что сдерживает только позиция Папы Римского, но в будущем какой-то из Соборов может пересмотреть этот вопрос.

– Насколько мне известно, сегодня в Католической Церкви есть немало людей, которые приветствовали бы отмену celibata, но есть и много таких, кто был бы против. И последних тоже можно понять, потому что если бы celibat был отменен, то это было бы глубочайшим кризисом для многих. Представьте себе такую ситуацию: молодой человек принял священный сан; у него было желание жениться, но он пожертвовал этим ради священства, и вдруг оказывается, что теперь священники могут вступать в брак. Это может стать сильнейшим стрессом для многих. И тогда многие священники покинут Церковь. Тем не менее мне кажется, что рано или поздно в Католической Церкви вопрос о браке для священников будет поставлен. Некоторые из вас, наверное, знают, что в Католической Церкви уже и сегодня немало женатых священников: это священники восточного обряда, то есть униатское духовенство, а также и те священники, которые переходят в католичество из англиканства – им разрешается сохранять семью. Как видим, из правила уже есть несколько видов исключений, и можно предположить, что число таких исключений будет постепенно увеличиваться.

– Что должен делать священник, чтобы его духовный уровень был достаточно высок?

– Я отчасти уже сказал об этом. Прежде всего, священник должен уметь молиться, он должен читать Евангелие и творения Святых Отцов, и это должно быть его постоянным, ежедневным делом. Причем, по Евангелию нужно сверять всю свою жизнь, Святых Отцов нужно читать как руководство к действию, а молиться нужно так, чтобы ни одно слово молитвы не прошло мимо ума и сердца. Мне кажется, что если это соблюдать, то человек, в том числе и священник, может очень многого достичь.

– В какой мере миряне, находящиеся в храме, влияют на действительность Евхаристии?

– Я очень осторожно отношусь к слову “действительность”, когда речь идет о таинствах. Конечно, Евхаристия – это богослужение, которое совершает не один священник, в нем участвует вся община, и Литургия не должна совершаться без мирян, без прихожан, за исключением каких-то особых случаев. Поэтому, если вопрос о том, в какой мере влияют миряне на действительность Евхаристии, рассматривать в чисто легалистических терминах, то я думаю, что действительной может быть и та Евхаристия, на которой миряне не присутствуют. Приведу пример из своей жизни. Когда я служил в Литве, у меня было четыре прихода, из них два очень маленьких, и я, идя на Литургию, никогда не знал, сколько сегодня будет прихожан. Бывало, что их было 10, 8, 6, даже 3, но теоретически ведь могла бы создаться такая ситуация, когда не пришел бы никто или 2–3 человека подошли бы к середине службы. Я всегда начинал службу в определенный час, считая, что было бы неправильно ждать, пока в храм придет первая бабушка. Случалось, что я начинал Литургию в пустом храме, а затем люди подходили; но в какие-то моменты службы их могло и не быть. Я не думаю, что действительность Литургии от этого как-то страдала.

– Как отвечать духовнику на исповеди, если он требует подробно изложить обстоятельства, при которых был совершен грех?

– Думаю, что в таких случаях можно и вовсе не отвечать. Я уверен, что священник не должен допрашивать человека о всякого рода подробностях, и священник должен это сознавать. Если же он этого не понимает, то это *его* проблема. Могу сказать одно: если вы слышите, что где-то есть какой-то особый старец, который расспрашивает всех с особым пристрастием, и люди, возвращаясь от него, говорят: “Он меня *так* спрашивал, *так* пробрал всю, *такие* у меня вещи выведал, что я ему *все* рассказала: и сколько у меня было мужчин, и как я с ними жила...”, – и т. п., то не обращайтесь к такому старцу, избегайте его, держитесь от него подальше, потому что такая исповедь вам пользы не принесет, а может, наоборот, стать источником личной трагедии.

– Насколько строго будущий священник должен подходить к действительной чистоте своей невесты?

Насколько строго будущий священник должен подходить к девственной чистоте своей невесты: Нельзя ли ради спасения души юной особы взять ее в жены, хотя и не девушку?

– Отвечу сразу на вторую часть вопроса. Нельзя вообще брать кого-либо в жены ради спасения, потому что в жены берут не ради спасения, а по любви. Другое дело, если будущий священник любит женщину, которая по тем или иным обстоятельствам не сохранила девственность. Если он ее любит по-настоящему, если это подлинная любовь, которая станет основой его брака, то он должен жениться, зная при этом, что ему может быть отказано в рукоположении. Но жениться не для спасения души этой женщины, а именно по большой и горячей любви.

– Может ли человек, сознавая себя заведомо недостойным, принимать священный сан?

– В молитве из Литургии Василия Великого, на которую я уже ссылался, священник говорит: “Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходи́ти или прибли́житься или служи́ти Тебе”. Нет человека, который был бы достоин священного сана, как нет и человека, который был бы достоин принятия Святых Христовых Таин. И любой священник, любой кандидат в священство, конечно, должен сознавать себя недостойным. Более того, если он считает себя достойным, то он не должен становиться священником, потому что это означает, что его внутреннее видение искажено. Чувство недостойности в священнике возникает не при сравнении с другими людьми, но благодаря его собственному опыту общения с Богом. Если священник сравнит себя с другими людьми, как это сделал фарисей, и скажет себе, что он не таков, как прочие люди, то он никогда не ощутит своего недостойности. Но когда человек сравнивает свою жизнь с евангельским идеалом, когда в богослужении он соприкасается с Богом, когда он видит, какая бездна отделяет его от Бога, то он действительно сознает себя недостойным. Человек становится священником не благодаря тому, что ощущает себя достойным, но вопреки своему недостойности, надеясь на то, что благодать Божия, которая “немо́щная врачу́ет и оскудева́ющая восполня́ет”, восполнит в нем все то, что в нем недостает, чтобы быть истинным православным священнослужителем.

ВСЯ БИБЛИЯ | ПОИСК | ГЛАВНАЯ СТРАНИЦА | ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Межконфессиональное информационно-аналитическое Обозрение "Orthodoxia"

Powered by "Interpressfact". © "Interpressfact" 2003

